

Советская цензура в 1941—1952 годах

Г. В. Костырченко

Декретом правительства РСФСР от 6 июня 1922 г. было образовано специализированное цензурное ведомство — Главлит (Главное управление по делам литературы и издательств при Наркомпросе РСФСР). Ему было поручено осуществление «обязательной предварительной цензуры всех рукописных и печатных произведений, снимков, рисунков, карт, выдача разрешений на право издания отдельных произведений и периодической печати». Решением Оргбюро ЦК ВКП(б) от 29 января 1938 г. на должности Уполномоченного по военной цензуре при Совнаркоме СССР и начальника Главлита был назначен Н. Г. Садчиков, 34-летний выдвиженец периода ежовщины. До 1918 г. он батрачил в Саратовской губ., потом вступил в комсомол, позже был переведен на партийную работу, закончил Ленинградский коммунистический университет и, защитив кандидатскую диссертацию, получил назначение в Ленинградский агитпроп, где и возглавил в 1937 г. отдел печати обкома партии ¹.

Этого начальника Главлита невозможно было упрекнуть в политической мягкотелости и недостаточной классовый бдительности. Не прошло и полугода, как он уже докладывал предсовнаркома СССР В. М. Молотову, что «органы Главлита засорены врагами народа, шпионами и вредителями. 14 цензоров освобождены от работы как враги, сняты с работы 14 начальников крайобллитов». Вскоре многие сотрудники цензуры сменили красный карандаш на лагерное кайло. Обращаясь с докладной в ЦК ВКП(б) и НКВД, Садчиков сетовал на то, что свиней и коров «называют политически недопустимыми именами («Депутат», «Селькор», «Русь», «Антанта», «Пионерка», «Пролетарка», бык «Коммунар»)), и, удрученный политической беспечностью животноводов, предлагал: «Инцидент расследовать, подобные клички запретить» и переименовать животных: бык «Нарком» на «Наркоз», «Правда» на «Плут», клички «Свобода», «Россиянка» и «Коммуна» срочно убрать ².

Главлит быстро оброс огромным штатом, новыми центральными и периферийными структурами, постоянно плодил массу инструкций, циркуляров и перечней. К началу Великой Отечественной войны он представлял собой бюрократического колосса. Хотя война несколько нарушила монополию официальной лжи, тем не менее Сталин, заявивший по радио 3 июля 1941 г., что «лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения», вовсе не был уверен в том, что народ воспримет всякую дезинформацию за чистую монету, когда Красная Армия стремительно отступала на восток. Однако все делалось для того, чтобы скрыть истинные масштабы постигшей страну катастрофы. Составлялись неправдоподобные сводки Совинформбюро, которые Сталин

Костырченко Геннадий Васильевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории.

лично правил, о событиях на полях сражений. В одной из них, где речь шла об итогах трех первых недель войны, говорилось, что Красная Армия потеряла «не более 250 тысяч человек», а вермахт — «не менее одного миллиона». В начале августа Совинформбюро сообщило, что немецкие потери достигли 1,5 млн убитыми, ранеными и пленными, наши же потери составили «около 600 тысяч человек». В ноябре, в докладе к очередной годовщине Октябрьской революции, Сталин привел еще более фантастическую цифру потерь врага — более 4,5 млн человек³.

Любая другая публичная информация о положении дел на фронте, расходившаяся с официальными сводками, категорически запрещалась. Нежелание власть имущих сказать правду о войне воспринималось населением СССР болезненно. В сентябре 1941 г. один аноним писал в Совинформбюро: «Вы систематически ничего не сообщаете о положении на фронте, вместо этого в сводках уже более недели стереотипная фраза — «бои на всем фронте»... Ваше молчание сеет самые нелепые слухи о несуществующих наступлениях и отступлениях. Все это только нервнрует тыл. Что за презрение ко всем гражданам страны держать в полном неведении о самом важном... Слухи распространяются по вашей вине». Чтобы пресечь подобные мнения, еще 6 июля был опубликован указ, гласящий, что «за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения, виновные караются по приговору военного трибунала тюремным заключением на срок от 2 до 5 лет, если это действие... не влечет за собой по закону более тяжкого наказания»⁴.

Достаточно было обмолвиться прилюдно, что в голодающем Ленинграде начали есть кошек, или что сын Сталина попал в плен, и лагерный срок был обеспечен. А что касается пленения Якова Джугашвили, которое произошло 7—8 июля 1941 г., то вся информация об этом событии фиксировалась нашими спецслужбами даже на оккупированной врагом территории. В августе агентура Главного разведывательного управления Генштаба РККА и Разведуправления НКВД сообщила в центр, что после того, как на Киевские немцы распространили листовки о случившемся, среди местных крестьян вскоре «были отмечены разговоры»: «Если уж сын Сталина сдался в плен, значит немцы победят и с ними воевать не следует». На фронте Красная Армия несла тяжкие потери, а в глубоком советском тылу продолжала наращивать обороты, включая сферу идеологии, сталинская репрессивная машина. Как справедливо отмечал И. А. Ильин, «во время войны террор НКВД, как всегда во время опасности, усилился вдвое»⁵. Касалось это и деятельности цензуры.

Этот «отряд партии» ни на день не забывал о служебном рвении. В июле 1941 г. начальник политического отдела Главного управления милиции НКВД Горюнов сообщил в ЦК ВКП(б): «Постовой милиционер 4 отделения милиции г. Куйбышева Назаров получил от ученика школы № 82 Н. Семина сведения о том, что к нему обратился неизвестный гражданин, спросивший о местонахождении завода № 42». Юный пионер тотчас сообщил, куда следует, и неосторожный прохожий был задержан. Им оказался некий Фридбес, «который нигде не работал, но имел на сберкнижке 5,5 тыс. рублей», а при задержании заявил: «Ну и народ. Поговорить ни с кем нельзя»⁶. Справедливость требует заметить, что противник активно использовал в своей пропаганде наши промахи, причем не только в рамках текущих событий, но и всевозможные, горящиеся для того, события прошлого. Например, Берлинское Прессбюро раздобыло где-то и распространило для населения оккупированных районов СССР в одном из своих бюллетеней историю о том, как Маршал Советского Союза С. М. Буденный обучался в начале 30-х годов в Военной академии им. М. В. Фрунзе. По свидетельству его товарищей по учебе, он устраивал там своеобразные уроки физкультуры: в перерыве между занятиями подходил к какому-нибудь старому военспеду-преподавателю и спрашивал: «Что, стареем, Ваше превосходительство? Нехорошо-с. Наверное, забываем слова нашего наркома о том, что «физкультура годы борет»? И предлагал: «А ну-ка, давайте померимся силенками». После чего делал профессору подножку и толкал его в грудь. Сцена заканчивалась позорным падением старорежимного интеллигента, хохотом присутствовавших и коронной фразой легендарного командарма Первой Конной: «На лекциях вы нас учите, а здесь — мы вас! Спортом надо заниматься, Ваше превосходительство»⁷.

Сталин, будучи верховным цензором страны, резко усилил во время войны свой контроль над печатным и устным словом. Однажды при очередном чтении матери-

алов, подготовленных к публикации газетой «Правда», у него возникла мысль вернуть точки над всеми буквами «ё» в тексте. И тотчас в газетах, начиная с номеров от 7 декабря 1942 г. и далее, третирование в печати этой буквы, отождествленной с «е», прекратилось, а соответствующие аппаратные структуры в напряженнейшие недели Сталинградской битвы переключились на разработку постановления правительства «О восстановлении буквы «ё»» и стали формировать комиссию под председательством наркома просвещения В. П. Потемкина для подготовки новых орфографических правил⁸. Реально же в продолжение всей войны правой рукой Сталина в вопросах цензуры был номенклатурный «человек-оркестр» А. С. Щербаков. Наряду с должностями начальника Главпура РККА, секретаря МК и МГК ВКП(б) и начальника Совинформбюро он занимал еще пост секретаря ЦК ВКП(б) по идеологии и руководил Управлением пропаганды и агитации ЦК с его отделами печати, культурно-просветительных учреждений и пр. Именно Агитпроп, а не СНК СССР, руководил тогда Главлитом, хотя формально последний числился при правительстве.

Садчиков же тесно сотрудничал с Отделом военной цензуры Наркомата обороны и Отделом военной цензуры Наркомата военно-морского флота. Аналогичные подразделения функционировали в других ведомствах: Главрепертком в Комитете по делам искусств, Кинорефертком в Комитете по делам кинофикации при Совнаркомом СССР, бесконечный ряд «литературных редакторов», исполнявших обязанности цензоров в газетах, журналах и издательствах. Эти структуры действовали в режиме взаимного перекрестного контроля. Так, в годы войны Главлит запретил печатать ряд пьес, разрешенных до того Главреперткомом к постановке в театрах: «Живые люди» Н. Ф. Погодина, «Солдаты Сталинграда» Н. Е. Вирты и др. Бывали не раз и обратные случаи. Ведомство Садчикова интенсивно изучало одновременно историю отечественной цензуры. По заданию ЦК были составлены объемные справки о военной цензуре во время первой мировой и гражданской войн. Из США были выписаны «Правила военного времени для американской печати». С периодичностью в декаду, месяц, полугодие и год составлялись секретные сводки и отчеты о снятых с публикации материалах, о вычерках и исправлениях, произведенных в текстах статей газет и журналов.

В середине 1942 г. начальник Главлита за своей подписью напечатал секретную брошюру «О некоторых вопросах работы цензуры во время Отечественной войны». В 1943 г. он подготовил дополненный вариант своей книги, вышедшей под названием «Цензура в дни Отечественной войны», но уже без грифа о секретности и большим против прежнего тиражом. Тем самым было нарушено запрещение публичного рассмотрения деятельности органов подавления, в том числе идеологических. И закрытым решением секретариата ЦК ВКП(б) от 29 июля 1943 г. начальнику Главлита был объявлен выговор, а тираж книги предписывалось изъять и уничтожить⁹.

В сентябре 1942 г. по настоянию Садчикова предприняли расследование работы редакции иностранного вещания Всесоюзного радио. Там имела место «идеологическая диверсия»: в тексте при обзоре печати в слове «Сталин» вместо буквы «т» вкралась «р». Страшной трагедией обернулась тогда для ряда лиц эта опечатка. В другом случае, при проверке уже тиражированной листовки, обнаружилось отсутствие буквы «р» в слове «Сталинград». В третьем случае из слова «главнокомандующий» выпала буква «л», и возникли ужасные для «виновных» последствия¹⁰.

Естественно, что среди цензоров процветала перестраховка. В дни войны в ростовской областной газете «Молот» был опубликован вполне невинный материал. Но Садчиков внезапно потребовал отдать ее главного редактора под суд. За последнего вступилось областное партийное руководство. Оно в своем письме в ЦК констатировало: «Наш «Молот» благодаря цензуре превратился в богомольную старую дуру — вы не увидите в нем ничего такого, что отражало бы нашу работу по укреплению обороны города. Потомки будут удивляться: шестнадцать месяцев стоял враг у стен Ростова, удачно и неудачно люди дрались с ним, и ничего — ровно ничего не отражает «Молот» из-за того, что цензура умозаключает настолько глубоко, далеко и широко, что позавидовал бы любой схоласт. Всякий даже намек на призыв к трудищимся об укреплении города категорически запрещается цензурой. Не юмористика а факт, что нельзя печатать — «государственный хлебный завод работает» («позвольте, — рассуждает цензор, — это же снабжающее армию предприятие... — вычеркнуть это!»)... Только в 1941 г. удалось (так как цензура была

духовно в нетях) выпускать газету «На защиту Ростова», где видно, что мы не сидели сложа руки»¹¹.

Но на фоне невежественной массы своих подчиненных Садчиков выглядел интеллектуалом. В сентябре 1944 г. акад В. И. Вернадский записал в дневнике: «В демократических странах не существует такой архаической цензуры, к которой привыкли наши цензора. До сих пор первый цензор, которого я встретил и который оказался культурным в советское время, был Н. Г. Садчиков... Другие были совершенно архаические типы, были прямо похожи на жандармов». Вот образчик. 5 марта 1943 г. за подписью начальника отдела военной цензуры полковника Черстового вышел секретный приказ, в котором запрещалось упоминать и в печати, и в обычной беседе обо всем, связанном с «вооружением системы Костикова» (так официально назывались легендарные «катюши»), хотя эти реактивные системы уже успели заснять и показать населению в широко демонстрировавшейся документальной ленте «Сталинград». Правда, в § 2 приказа давалось послабление: «В песнях и стихах вооружение системы Костикова упоминать (называть) словом «катюша» разрешается»¹². Теперь песню композитора М. И. Блантера «Катюша» впервые с начала войны народ мог петь на «законном основании».

Цензурных запретов существовала масса. Во избежание нарушения международных конвенций не разрешалось публиковать сведения об участии в боевых действиях подростков и медицинских работников. Запрещалось писать в любом виде о боевых отравляющих веществах и огнеметах. Была временно приостановлена антирелигиозная пропаганда. Не допускалось разглашение любых военных, экономических и технических секретов. Во всем этом, конечно, имелся свой резон, как и в справедливом стремлении цензуры пресечь попытки фальсифицировать факты, включая и нашу печать. Ведь всякая обнаруженная неправда была рикошетом по своим. Когда в мае 1942 г. в газете «Известия» был помещен снимок фотокорреспондента Д. Н. Бальтерманца, озаглавленный «Западный фронт. Бесславный конец немецких танков, пытавшихся прорвать передний край на одном из участков фронта», неожиданно разгорелся международный скандал: по просьбе московского корреспондента английской газеты «News Chronicle» этот снимок направили в Лондон, а там эксперты идентифицировали изображенные под слоem ретуши танки как английские, марки «Матильда», направленные незадолго до этого в СССР согласно ленд-лизу. Заместитель главы британской военной миссии в Москве контр-адмирал Майлс выразил протест в связи с этой фальсификацией¹³.

Помимо разумных, адекватных военному времени ограничений на содержание публикуемой информации действовала и резко ужесточилась просто идеологическая цензура, и раньше не знавшая четких регламентаций. Так, из очерка А. А. Суркова «Он был в Бранденбурге» (март 1943 г., газета «Красная звезда») были вымараны строки, гласившие о добровольном отъезде жителей Харькова и Чугуева на работы в Германию с мотивировкой: «Политически нецелесообразно сообщать в открытой печати подобные сведения. Ведь можно было объяснить, что к такому шагу людей принудили фашистские репрессии, голод и геббельсовская пропаганда». Статья под заголовком «В немецком рабстве» были изъяты из газеты «Красный флот» от 3 сентября 1943 года. Причиной запрета послужила выдержка из письма русской девушки домой из Германии: «Осенью, хоть и по дорогой цене, покупали капусту. Иной раз по целому кочану съедали. Хлеба получаем 300 граммов, и к нему дают 5 граммов маргарина. Ваши две посылки помогли мне очень. Я их разделила на несколько раз и покупала понемножечку... Работаем мы по 11 часов... Под Николу перевели в новые бараки, где живем в каждой комнате по 22 человека»¹⁴.

В августе 1943 г. запретили публиковать в газете «Сталинский сокол» статью Н. Макеева и Л. Лерова «Встреча в Орле». В ней рассказывалось, что при освобождении этого города от захватчиков наши войска вызволили из плена раненых советских летчиков. Обоснование запрета: «Статья снята в связи с политическим неудобством оглашения подобных фактов в печати, учитывая, что во всех материалах, публикуемых в нашей печати, сообщается о беспощадном уничтожении немцами наших раненых и пленных, не могущих быть использованными на тяжелой физической работе». В очерке А. Гуторовича «Киевский день» (18.XI.1943, газета «Комсомольская правда») вычеркнули следующие строки: «Я был в квартире человека, сын которого завоевал Северный полюс, — старого слепого Юлия Шмидта. Квартира разгромлена и разграблена немцами. Фашисты провоцировали Шмидта,

говоря ему, что Отто Юльевич якобы расстрелян в Москве, на Красной площади. Старик твердо ответил на это: «Ложь! Россия не Германия». Агенты гестапо увезли старика, и он исчез после этого»¹⁵. Не нужно было напоминать о том, что О. Ю. Шмидт — немец.

Сильной цензурный правке подвергся очерк В. С. Гроссмана в июльских номерах «Красной звезды» (1943 г.), где рассказывалось о том, что в бою с группой укрывшихся в одной из заброшенных донбасских шахт красноармейцев немцы применили боевые отравляющие вещества и огнеметы. Мотивировка: зачем возбуждать ненужное беспокойство в войсках? Далее в очерке говорилось о том, как немцы, не словив сопротивления оборонявшихся, схватили в близлежащем поселке заложников — женщин и детей и пригрозили им смертью в случае, если те не уговорят окруженных сдать. Этот абзац тоже был изъят. Вообще же отношение Главлита к периодическим изданиям зависело и от того, какое место они занимали в идеологическом ранжире. Газета «Правда», ответственным редактором которой был член ЦК ВКП(б) П. Н. Поспелов, оставалась цензурным чиновникам чаще всего не по зубам: все-таки центральный партийный орган, за которым надзирал сам Сталин. А вот с «беспартийной» газетой «Литература и искусство» (орган правления Союза советских писателей, Комитета по делам искусств и Комитета по делам кинематографии, возникший в начале 1942 г. в результате слияния «Литературной газеты» с газетой «Советское искусство») можно было не церемониться¹⁶.

Формальным поводом к ее экзекуции послужил однажды выход № 21 от 23 мая 1942 года. Атаке цензоров подверглись почти все опубликованные в нем материалы, начиная с очерка Е. Ф. Книпович «Логика истории и логика литературы» и кончая подборкой стихотворений Суркова. Первому автору предьявлялось обвинение в том, что была допущена крупная политическая ошибка, когда утверждалось, что «война советского народа против фашистских захватчиков есть, вместе с тем, и война за лучшее будущее немецкого народа, за вновь обретенную честь, за свободу Германии». Второй подвергся разному за то, что в стихотворении «Н. А. Тихонову» имелись такие строчки: «И если найдет меня пуля у фланга, // Ты выбери время, друзьям напиши, // Что кончил не плохо веселый бродяга, // Душеприказчик солдатской души». Вердикт цензуры гласил: «В последнем четверостишии Сурков клеветает и издевается над мужественными героями Великой Отечественной войны, зачисляя их в разряд «веселых бродяг». Первоначально в штыки было встречено и известное стихотворение Суркова «В землянке», которое впоследствии превратилось в популярную песню. А тогда, в июне 1942 г., его клеймили как «упадническое и проникнутое обреченностью»¹⁷.

Посильную лепту в укрепление идеологической монолитности общества вносили и те ведомства, которые наводили пропагандистские мосты к другим странам. Глава Всесоюзного общества культурной связи с заграницей В. С. Кеменов докладывал в ЦК: «Текст песни и ноты, изданные музфондом Союза советских композиторов, до такой степени абстрактен и выхолощен, что может быть использован любой страной и любой армией, вплоть до фашистской». А имелась в виду замечательная песня композитора В. П. Соловьева-Седого и поэта А. Д. Чуркина «Вечер на рейде». Что касается злополучного № 21 «Литературы и искусства», то «виновных» не пришлось долго искать. 2 июня начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров докладывал Щербакову, что заведующий редакцией газеты Писманник снят с должности. Заодно подвергся чистке аппарат Мосгорлита, где семь цензоров «не знали «Краткого курса истории ВКП(б)»¹⁸.

Осенью 1943 г. охранители официальной идеологии предприняли новую атаку на журналистику, стихийно как бы десталинизовавшуюся, хоть и частично, под воздействием бескомпромиссной военной ситуации. На сей раз залп последовал из главных калибров партийно-пропагандистской артиллерии: 28 сентября крупные цеховские функционеры Г. Ф. Александров и Н. Н. Шаталин направили Г. М. Маленкову, А. С. Щербакову и А. А. Андрееву записку, фиксирующую и соответственно живописавшую на партийном «канцелярите» все те случаи, когда редакция «Литературы и искусства» допускала отклонения от «генеральной линии». Удар концентрированной критики наносился теперь непосредственно по ответственному редактору газеты А. А. Фадееву, которого обвинили в том, что он «безответственно относится к своим обязанностям», отстранился от руководства и передоверил газету «лицам, не сведущим в искусстве и не заслуживающим политического доверия».

В воспроизводимом далее перечне этих лиц отнюдь не случайно сплошь и рядом мелькают еврейские фамилии. А в числе «других» оказалась Платонова, которую, как подчеркивали авторы записки, сотрудники самой редакции называли якобы «единственным представителем славянского племени в газете». Прилагался и проект постановления ЦК, в котором в качестве преемника Фадеева фигурировал Н. А. Тихонов¹⁹.

Фадеева вскоре отстранили не только от руководства этой газетой, которая в 1944 г. была вообще расформирована, но и сняли с поста секретаря Союза писателей СССР. Помимо происков пропагандистско-цензурного чиновничества тому были причиной и другие события. Однако это не помешало аппаратчикам торжествовать их победу. На горизонте маячил конец войны, велико было желание с того или иного бока хватиться за триумфальную колесницу. Весьма активными соискателями боевых наград становились порой как раз те, для кого фронт не выходил за рамки абстрактных понятий. Не были исключением и работники цензурного ведомства. Садчиков направил в конце 1944 г. Щербакову следующую реляцию с перечнем достижений сотрудников Главлита за время войны: «Цензоры центральной, республиканской, краевой, областной и районной печати с 1 июля 1941 г. по 1 ноября 1944 г. выпустили в свет (без печати Красной Армии и Военно-Морского Флота) 60 610 книг, 9245 номеров журналов, 1 140 816 номеров газет, а всего 1 210 671 печатную единицу... Контролируя эти произведения печати, цензоры не допустили к опубликованию 33 441 корреспонденцию по мотивам сохранения военных и государственных тайн и 10 790 по мотивам политико-идеологического характера. Кроме нашей печати цензоры контролируют литературу на 48 языках, поступающую в Советский Союз из-за границы. За 40 месяцев (с июля 1941 по октябрь 1944 гг.) Отечественной войны работники отдела иностранной цензуры Главлита проверили 235 031 номер газет, 207 942 номера журналов, 71 740 книг, 155 998 брошюр, каталогов и прейскурантов. Всего 670 811 печатных единиц. Из всей поступившей иностранной литературы цензоры изъяли 30362 материала враждебного, антисоветского характера и 61 188 названий передали учреждениям и организациям, имеющим право на получение запрещенной иностранной литературы. Таким образом, коллектив цензоров в 3400 человек проверил и выпустил в свет внутренней и иностранной литературы 1 881 482 названия... Многие цензоры в трудных условиях военного времени показали образцы высокой большевистской бдительности в работе... Прошу Вас, Александр Сергеевич, санкционировать наше представление в Правительство о награждении 32-х... работников цензуры». В записке особо отмечались заслуги пяти наиболее отличившихся рыцарей красного карандаша, которые выдвигались на получение боевого ордена Красной Звезды²⁰.

К концу войны и в первые послевоенные месяцы в системе Главлита трудилось около 1100 цензоров, в том числе 265 человек — в центральном аппарате. Из них среднее образование имели 53% работников, высшее — 33%, начальное — 14%. 17 октября 1945 г. Садчиков направил Молотову и Маленкову предложения «по улучшению работы цензуры». Ими предусматривалось существенное расширение компетенции Главлита, увеличение его штатной численности и рост бюджета. Однако аппетит этого ведомства оказался чрезмерным, и предложения были отвергнуты²¹. В 1946 г. Садчикова перевели на должность председателя Всесоюзного объединения «Международная книга». Новым начальником Главлита стал К. К. Омельченко, ранее работавший ответственным редактором газеты «Труд» и любивший подчеркивать, что Главлит является «последней инстанцией государственного контроля на идеологическом фронте».

Смена руководства не повлекла за собой заметного обновления деятельности Главлита. Существенные коррективы в нее внесли затем развертывание «холодной войны» на внешнеполитическом фронте и начало погромной «ждановщины» внутри страны. Усилившаяся ксенофобия сталинского режима отражалась и на идеологической, и на других сферах жизни общества. 9 июня 1947 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну». На волне шпиономании, когда совершенно секретными объявлялись даже такие сведения о стране, как план развития физкультуры и спорта, число спортсмен-разрядников, численность населения, количество браков и разводов, цензурный террор резко усилился. Этот процесс развивался по нарастающей. Главлитом была введена

практика ежемесячного составления списков литературы, изымаемой из общедоступных фондов и переводимой на режим ограниченного использования — «спецхран». В 1948 г. в «спецхране» крупнейшего книгохранилища в СССР, Всесоюзной государственной библиотеки имени В. И. Ленина, насчитывалось 36 500 книг, в 1949 г. — 129 956 книг.

Когда развернулась шумная компания борьбы с «безродным космополитизмом», по приказу Главлита от 6 июня 1949 г. были запрещены сотни работ не только арестованных авторов, но и многие издания четвертьвековой давности. Одновременно в Главлите развернулась кадровая чистка аппарата. Она усилилась после того, как в сентябре 1950 г. в ЦК партии поступила анонимка, негодовавшая в связи с тем, что в цензурном ведомстве трудятся такие лица, как Додзин, Пинсухович, Каминский, Тутанцев, Демчинский, Муха и мн. др. Особенно нервировало доносителя, что там работал заместителем секретаря партбюро Додзин, в свое время цензуравший материалы Еврейского антифашистского комитета, направившиеся за границу, и задавался вопрос: «Уж не является ли Главлит замаскированным филиалом антифашистского еврейского комитета — окопавшегося шпионского гнезда предателей родины?»²².

На рубеже 1951 г. в Главлит была направлена комиссия Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Бдительные ревизоры добыли там массу «обличающих фактов». Почему это начальником отдела иностранной литературы Главлита работает Добросельская — близкая знакомая бывшего редактора «Московских новостей» М. М. Бородина, арестованного органами госбезопасности в начале 1949 г., а руководителем группы по цензурованию англо-американской литературы является Болеславский, с 1913 по 1917 г. проживавший в США и состоявший там членом Социалистической партии? Крайне подозрительными показались комиссии контакты, существовавшие до 1949 г. между прежним начальником Совинформбюро С. А. Лозовским и сотрудниками Главлита — заместителем начальника П. С. Балашовым, который работал помощником Лозовского в Совинформбюро, и др. В итоге Омельченко обязали освободить от работы в его ведомстве многих сотрудников²³.

Подверглась чистке и периферийная структура Главлита. 29 июля 1950 г. ЦК КП(б) Белоруссии отстранил от должности начальника республиканского Главлита Дадюмова за то, что в библиотеках Минска выдавались читателям книги писателей Д. Р. Бергельсона, П. Д. Маркиша, И. С. Фефера, Н. Ф. Гикало, Н. М. Голодеда и др. А на его жену Дадюмову донесли, что накануне выборов в Верховный Совет СССР она говорила об антисемитских настроениях, присущих некоторым белорусским руководителям²⁴.

Из тех двух господ, которым служил Главлит и которые его опекали, — Министерство государственной безопасности и ЦК партии, последний внес наибольший вклад в его кадровую перетряску. Как правило, ЦК осаждало много охотников «уличить» чиновников Главлита в недостатке политической бдительности. Иные лица отвечали взаимностью на прежние утеснения в их адрес. Так, в августе 1952 г. в Агитпроп обратился, например, писатель Фадеев, сетовавший на то, что в театрах и на эстраде широко исполняются произведения 13-ти репрессированных авторов, а Управление по охране авторских прав продолжает отчислять причитающиеся гонорары их родственникам²⁵.

7 февраля 1949 г. секретариат ЦК партии принял постановление, запрещавшее демонстрацию дублированных на польский язык фильмов «Русский вопрос» и «Поезд идет на Восток», ибо советский посол В. З. Лебедев сообщил из Варшавы, что польские руководители «резко отрицательно оценивают качество польского текста фильмов и указывают, что польская речь звучит в фильмах с заметно выраженным еврейским акцентом». Экспертная комиссия для проверки знаний польского языка у дикторов Радиокomiteта, включавшая С. С. Дзержинскую и Я. Ф. Дзержинского (вдова и сын Ф. Э. Дзержинского), а от Агитпропа — Д. Т. Шепилова и Л. Ф. Ильичева, установила, что к дубляжу кинокартин привлекались дикторы и актеры из числа лиц, родившихся в Польше. Финал этой истории ознаменовался обильными административными карами в отношении ряда высокопоставленных чиновников — министра кинематографии И. Г. Большакова и др. и запретом на дублирование советских фильмов и их прокат за границей, если на то не будет соответствующего разрешения из ЦК ВКП(б)²⁶.

В последние годы жизни Сталина Главлит стал прямым органом карательной

цензуры. В 1952 г. в ЦК ВКП(б) и Президиуме Совета Министров СССР рассматривался проект постановления о передаче Главлита в систему Министерства государственной безопасности СССР. Но от этого плана отказались потому, что Сталин подозрительно отнесся к дальнейшей концентрации власти в руках тайной полиции. Впрочем, МГБ и Главлит и без организационного объединения работали достаточно слаженно. Едва успел ТАСС сообщить 13 января 1953 г. о раскрытии госбезопасностью заговора «врачей-вредителей», как в тот же день Главлит испросил санкций на изъятие из библиотек и книготорговой сети произведений профессоров-медиков²⁷.

Но и после 1953 г. советская цензура не утратила своего репрессивно-тоталитарного характера, как и политический режим в целом. Только в 1990 г. был принят в СССР «Закон о печати и других средствах массовой информации», согласно которому цензурование массовой информации не допускается.

Примечания

1. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 17, оп. 125, д. 186, л. 2—13; оп. 114, д. 639, л. 20; оп. 119, д. 832, л. 45—46.
2. Россия, 4—10.V.1991.
3. Работа партийных организаций в период Великой Отечественной войны 1941—1945. Док. и мат-лы. Т. 1. М. 1982, с. 74; Правда, 14.VII, 8.VIII.1941; СТАЛИН И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М. 1952, с. 20; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 48, л. 106.
4. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 28, л. 42; Работа партийных организаций. Т. 1, с. 83.
5. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 28, л. 50; ИЛЬИН И. А. Наши задачи. Париж. 1956, с. 115.
6. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 127, д. 100, л. 13.
7. Там же, оп. 125, д. 180, л. 16.
8. Там же, д. 129, л. 3—5.
9. Там же, д. 117, л. 64об.; оп. 116, д. 126, л. 83.
10. Там же, оп. 125, д. 117, л. 150.
11. Там же, д. 185, л. 54—55.
12. Там же, ф. 17, оп. 125, д. 187, л. 20.
13. Там же, д. 113, л. 2—3.
14. Там же, д. 187, л. 38об., 107.
15. Там же, л. 81об., 127.
16. Там же, л. 80—80об.
17. Там же, д. 117, л. 80—82.
18. Там же, д. 123, л. 9, 17, 18; д. 112, л. 136.
19. Там же, д. 117, л. 82—83; д. 193, л. 140—149.
20. Там же, д. 234, л. 188—189.
21. Там же, оп. 117, д. 560, л. 110—118.
22. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 9425, оп. 1 с, д. 711, л. 47, 56; д. 732, л. 68.
23. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 119, д. 66, л. 80—84; д. 216, л. 162—172, 179—182.
24. Там же, оп. 118, д. 750, л. 184—186.
25. Там же, оп. 119, д. 1061, л. 128—130.
26. Там же, оп. 118, д. 322, л. 242—249.
27. ЗУБКОВА Е. Ю. Общество и реформы: 1945—1964 гг. М. 1993, с. 90; ГАРФ, ф. 9425сч, оп. 1, д. 830, л. 1.